
ЭПИЛОГ

ЦЕНА ВЫЖИВАНИЯ

На кульминационной стадии Октябрьской революции в Петрограде требование Ленина немедленно взять власть в свои руки одержало верх над более медленным и осторожным планом умеренных большевиков, подразумевавшим постепенный подрыв власти Временного правительства и связывавшим его формальное отстранение с Вторым Всероссийским съездом Советов. Однако, несмотря на это изначальное и, на первый взгляд, решающее поражение, умеренные продолжили борьбу за свои цели, которые, надо еще раз подчеркнуть, были закреплены в предоктябрьской политической программе партии большевиков. Твердо убежденные в том, что дальнейшее следование автономным, ультрарадикальным курсом, на котором настаивали Ленин с Троцким, самоубийственно для революции, они стремились добиться расширения правительства и искали поддержку на заседаниях Центрального и Петербургского комитетов большевиков, а также в партийной фракции ВЦИКа. Кроме того, вместе с левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами и другими, более мелкими, левосоциалистическими партиями, они твердо стояли за сохранение гражданских свобод и за подотчетность Совнаркома более представительному ВЦИКу, что было предусмотрено решениями съезда Советов, пленарных заседаний ВЦИКА и, что особенно важно, экстренными переговорами о создании широкого коалиционного социалистического правительства, организованными Викжелем.

Сначала усилия умеренных большевиков на переговорах Викжеля подрывались жесткой позицией меньшевиков и эсеров, требовавших исключения Ленина и Троцкого из состава любого будущего правительства и чуть ли не пересмотра всех итогов Октябрьской революции. Впоследствии массовый энтузиазм, вызванный програм-

мой Советов, первые военные победы революционных сил и переход левых эсеров на сторону ленинистов также не способствовали успеху умеренных. К тому же, Ленину, бесспорно, удавалось переигрывать их по всем вопросам. Отстранение умеренных от контроля над фракцией большевиков в Учредительном собрании в декабре 1917 г. знаменовало собой конец их коллективной борьбы против ленинистов и их существования как влиятельной внутрипартийной группировки.

Историки, как правило, не уделяют достаточно внимания умеренным большевикам, подчеркивая их оппозицию победившему ленинскому радикализму как до, так и после захвата власти большевиками, но игнорируя их чрезвычайно важную роль в деле управления партией в периоды продолжительного отсутствия Ленина в Петрограде летом и в начале осени 1917 г. Однако нельзя отрицать, что без их сильной и умной *политической* стратегии в период подготовки Октябрьского переворота (поддержанной Троцким и другими радикальными большевистскими лидерами, которые разделяли ленинские теоретические взгляды и цели, но настороженно относились к его воинственной тактике), ленинские запоздалые *военные* шаги, предпринятые им против Временного правительства 25 октября, были бы невозможны. К тому же, умеренные вовсе не были таким уж незначительным меньшинством, как их изображали советские историки. Их взгляды на революционную стратегию и цели пользовались широкой поддержкой как в партии, так и за ее пределами. Более того, в ретроспективе, их предупреждения об опасности, которой чреват в отсталой России односторонний, исключительно большевистский захват власти, предстают весьма благоразумными. Как они и предполагали, решающие выступления европейского пролетариата, которые, по мысли Ленина и Троцкого, были необходимым условием строительства социализма в России, в итоге так и не состоялись.

Борьба большевиков за выживание в первый год Советской власти в Петрограде позволяет глубже взглянуть на динамику самой ранней стадии процесса становления предельно централизованной, ультра-авторитарной большевистской политической системы в Советской России. Очевидным становится ответ на главный историографический вопрос, поставленный в начале этой книги. Ни револю-

ционная идеология, ни утвердившаяся модель диктаторского поведения не помогают объяснить фундаментальных изменений в характере и политической роли большевистской партии и Советов в Петрограде в период между ноябрем 1917 г. и ноябрем 1918 г. (хотя влияния того и другого нельзя полностью сбрасывать со счетов). Дело в том, что петроградские большевики были поставлены перед необходимостью переквалифицироваться из революционеров в правители, не имея не только предварительного плана, но даже общей идеи. Самым главным фактором, определившим раннюю эволюцию партийных и советских органов, их взаимоотношений, а также эволюцию советской политической системы вообще, были те реалии, с которыми большевикам довелось столкнуться в их зачастую, казалось бы, безнадежной борьбе за выживание.

Так случилось, что сразу после Октября петроградские большевики, игнорируя принцип перехода всей власти на местах в руки Советов, не стали распускать Петроградскую городскую думу, пока не стало ясно, что она превратилась в национальный центр противодействия Советской власти. Более того, лишь вынужденная необходимость — распуск ВРК и забастовки госслужащих — заставили контролируемый большевиками Петроградский Совет взять власть в свои руки, но и тогда он постарался сохранить значительную часть административной инфраструктуры и кадрового состава городской думы. Точно так же и районные Советы к концу 1917 г. были вынуждены распустить враждебно настроенные районные думы и, хоть новые выбирать и отказались, сделали все возможное, чтобы укомплектовать свои новообразованные административные отделы опытными кадрами из соответствующих отделов думских управ. Поскольку все это делалось без плана или руководящих указаний сверху, структура местных Советов и центр сосредоточения власти в них оказались весьма различными. Районные Советы предпочитали действовать по своему усмотрению и, в большой степени, определять свою постоянно растущую роль, исходя из насущных нужд и проблем. Относительно скоро они превратились в политически влиятельные органы, стойко оберегающие свою автономию и независимость от вмешательства как вышестоящих советских структур, так и параллельных и вышестоящих партийных органов. В этих обстоятельствах петроградские районы стали напоминать скорее феодальные поместья, возглавляемые каждый своим районным Советом.

Однако, из-за того что районные Советы быстро приобрели такое важное значение для организации охраны порядка, распределения продовольствия, школьного, жилищного дела, здравоохранения, общественного призрения, призыва на военную службу и местного самоуправления вообще, Петроградский Совет, СК ПТК, СК СО и даже ПЧК опирались на них в своей деятельности и, тем самым, способствовали дальнейшему безмерному росту их влияния. Они стали главными органами новой власти на местах. Партийные комитеты направляли своих лучших членов работать в районных Советах. Однако в первой половине 1918 г. этим их интерес в Советах и ограничивался. Это касалось и взаимоотношений Петербургского комитета большевиков с Петроградским Советом, и отношений между районными партийными комитетами и районными Советами.

Относительно слабая руководящая роль петроградской партийной организации в первые месяцы Советской власти объяснялась тремя факторами. Первым и наиболее важным из них было то, что большинство старых большевиков были совершенно не заинтересованы в институционализации авторитетной и исключительной руководящей роли партийных органов в управлении. Большинство историков Советской России полагают, что развитие жестко централизованной и авторитарной партократической политической системы было одним из ключевых моментов, определивших способность большевиков выжить в кризисной обстановке начала их правления, и что эта организационная модель была задумана и преследовалась ими с самого начала. Однако огромный пласт ставших доступными для изучения соответствующих источников не оставляет сомнений в том, что необходимость полновластной централизованной партийной диктатуры для большинства петроградских большевиков стала очевидной далеко не сразу. В 1917 г. требованием большевиков была передачи всей власти независимым представительным демократическим Советам. После Октября, после незначительных колебаний, большевистские лидеры в Петроградском Совете и в районных Советах с энтузиазмом восприняли эту идею.

Вторым фактором, которым объяснялась слабость руководящей роли партийной организации большевиков в Петрограде в первые месяцы Советской власти, было то, что в начале 1918 г. она была охвачена и, временами, парализована остройшим внутрипартийным

конфликтом по поводу подписания Брестского договора. До середины марта в Петербургском и большинстве районных комитетов партии доминировали «левые коммунисты», и между ними и ленинским руководством возглавляемого Зиновьевым Петроградского Совета существовало состояние войны. Ослабляющее воздействие конфликта на партию и на власть на местах продолжалось до конца марта, когда на Пятой, чрезвычайной, конференции петроградских большевиков «левые коммунисты» потерпели поражение.

Третьим и последним фактором, определившим неэффективность петроградской партийной организации в этот период, было ее колossalное кадровое истощение. Стоит еще раз подчеркнуть, что на решающей стадии борьбы за власть в октябре 1917 г. в Петрограде большевики черпали силу и преимущество из представительного характера своей партии и ее тесных связей и постоянного взаимодействия с заводскими рабочими, армейскими низами и многочисленными массовыми организациями. В пользу городской партийной организации говорило также то, что ее численность достигала тогда 50 тысяч человек, а во главе, на всех уровнях, стояли самые лучшие и опытные большевистские лидеры. Кроме того, еще десятки тысяч рабочих, в том числе массы фабричных работниц, солдат петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота активно поддерживали революционную политическую платформу большевиков.

Организационный динамизм, происходящий из относительно высокой численности надежных и сознательных членов партии, начал убывать с приходом большевиков к власти. После революции тысячи партийцев из Петрограда были направлены либо в провинцию, помогать упрочивать революцию на местах, либо на государственную службу в ВРК, петроградские Советы, другие муниципальные органы. Буквально в одночасье политическая работа районных комитетов большевиков, этот источник жизненной силы партии в 1917 г., резко сократилась.

Большевики, однако, сохранили достаточно сил, чтобы организовать энергичную, убедительную и, в конечном счете, успешную кампанию по выборам в Учредительное собрание в Петрограде и примыкающем регионе. Это, в свою очередь, помогло им преодолеть организационную слабость и нейтрализовать угрозу Советской власти, исходившую от Учредительного собрания с его эсеровским

большинством. Тем не менее, эффект, вызванный первоначальным энтузиазмом по поводу Советской власти, неизбежно убывал, особенно по мере ухудшения качества петроградской партийной организации. В течение первых месяцев 1918 г. новые призывы партийных членов для борьбы с контрреволюцией на Дону, для пополнения рядов формирующейся Красной армии, для защиты подступов к Петрограду от наступающих немцев продолжали истощать партийные ряды и зачастую вели к полному развалу в них агитационной и организационной работы. Объявленный усиленный набор в партию новых членов и организация для них курсов ускоренной подготовки не могли компенсировать эти потери. Тесные связи и взаимодействие, установившиеся между петроградской партийной организацией и заводскими рабочими, солдатами и матросами и бывшие ключом к созданию популярных политических программ и успешных военных стратегий в 1917 г., оказались разорваны. Несмотря на все усилия большевиков, кадровый дефицит серьезно сказался на районных Советах и как раз в тот момент, когда их роль в городском управлении нарастала. Представительная демократия в них пала жертвой этого неблагоприятного обстоятельства. В конце зимы и весной 1918 г. резко обострившийся продовольственный кризис, растущая безработица и общее разочарование результатами Октябрьской революции ускорили эти процессы и привели к значительному сокращению социальной базы большевиков, так как голодные и безработные рабочие массово покидали Петроград в поисках хлеба и работы.

К середине февраля численность большевистской партийной организации в столице упала с 50 тысяч (в октябре 1917 г.) до 36 тысяч человек. Однако даже эти цифры не дают точного представления о положении дел, поскольку большой процент «лучших» партийцев, занятых на государственной или военной службе, были полностью отстранены от партийной работы. Кроме того, среди номинальных членов партии (и местных Советов) было много неопытных новичков и, что еще хуже, законченных преступников или просто ищущих выгоды личностей, равнодушных к делу партии.

Заключение политического союза с левыми эсерами помогло ослабить трудности, вызванные сокращением опытных большевистских кадров, в том, что касалось защиты и углубления революции в Петрограде. Наряду с образованными, независимо мыслящими

и закаленными революционными лидерами, левые эсеры были также источником преданных делу революции рядовых кадров, зачастую более способных и надежных, чем набранные в спешке и без разбора новые большевики. Определенные шаги к ослаблению проблем внутрипартийного руководства, связанных с утратой наиболее эффективных кадров, предприняла также Четвертая городская конференция петроградских большевиков, состоявшаяся в середине февраля 1918 г. Состав Петербургского комитета был резко сокращен, и его функции как главного руководящего органа партии в Петрограде были переданы новому органу — авторитетному и представительному Делегатскому совету. Создание Делегатского совета было попыткой компенсировать потенциальный ущерб, который наносило процессу компетентного принятия решений сокращение ПК. Однако Делегатский совет терзали те же самые кадровые проблемы, что вызвали необходимость изменения структуры ПК, и, в условиях бесконечных кризисов середины лета, он прекратил функционировать. В результате, как видится в ретроспективе, структурные реформы, предпринятые Четвертой городской конференцией, вместо того чтобы помочь сохранению демократических норм и практик петроградской организации большевиков, стали важным шагом на пути к их уничтожению.

Во время германского наступления на Петроград во второй половине февраля большевистская организация была изрядно истрепана постоянными призывами партийных членов в Красную армию и нерегулярные войска, а также политикой преобладания государственной работы над партийной (официально провозглашенная в ту пору, эта политика действовала более месяца). Бегство национального правительства в Москву в середине марта, продиктованное страхом перед наступлением немцев, стало еще одним крупным ударом по Советской власти в Петрограде. Проблема была не только в том, что, тайно улизнув в Москву, главные герои революции продемонстрировали панику и тем самым деморализовали заводских рабочих. Не менее важным было то, что Ленин, похоже, счел Петроград обреченным и продолжал так думать даже тогда, когда непосредственная угроза оккупации города была снята. Это помогает объяснить его стойкое равнодушие к кадровым нуждам Петрограда и стремление видеть в бывшей столице неисчерпаемый источник людских ресурсов для работы в других регионах России.

Еще одним ослабляющим фактором для петроградских большевиков весной 1918 г. стала привлекательность для заводских рабочих новой организации — Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. История Собрания уполномоченных представляет интерес для исследователей, прежде всего, потому что это было самое серьезное в Советской России организованное рабочее оппозиционное движение, возникшее вне пределов большевистской партии. Однако в рамках сложившейся ситуации: существенных проблем, породивших движение, и плачевного состояния партий и Советов, — Собрание уполномоченных заслуживает внимания как показатель слабости и нестабильности Советской власти в северо-западном регионе. Другим показателем этой слабости стала подтасовка на выборах в Петроградский Совет, осуществленная руководством ПК и обусловленная необходимостью обеспечить большевикам контроль над ним. После выборов петроградские власти смогли предпринять давно откладываемые шаги против Собрания уполномоченных. Впрочем, чрезвычайные меры, принятые ими для предотвращения всеобщей забастовки, намеченной Собранием на 2 июля, скорее говорят об отсутствии уверенности в себе, чем об обретенной силе.

Ко времени Шестой городской конференции большевиков, открывшейся в Петрограде в середине июня, численность партийной организации города сократилась еще на 63% и составила 13 472 человека. И вновь влияние этого сокращения на эффективность партийной работы невозможно оценить в полной мере без учета огромного процента большевиков, занятых на государственной службе, и низкого качества, с точки зрения опыта, дисциплины и преданности революции, оставшихся партийных работников. В этих условиях Шестая городская конференция была вынуждена потребовать, чтобы все большевики, независимо от места службы, принимали бы также участие в той или иной форме партийной работы. Этот призыв, однако, остался не услышанным, по причине чрезмерной загруженности большевиков, занятых на советской работе, и их нежелания признавать важность партийной работы и авторитет партийных органов. В то же время, Москва продолжала требовать все новые и новые партийные кадры для службы в продотрядах и в Красной армии.

Негативное влияние дефицита партийных кадров на попытки большевиков вдохнуть жизнь в партийную работу и в Советы усугублялось также политикой Советского правительства в отношении левых эсеров. С ноября 1917 г. и до марта 1918 г. большевикам и левым эсерам удавалось продуктивно сотрудничать, несмотря на серьезные разногласия по ключевых вопросам. Однако к весне 1918 г. конструктивная стадия их отношений на национальном уровне закончилась, причиной чему послужили непреодолимые различия во взглядах на сепаратный мир, а также то, что растущее влияние левых эсеров в деревне представляло угрозу большевистской революционной гегемонии. Для большинства левых эсеров ратификация Брестского мира стала последней каплей. В середине марта они вышли из состава Совнаркома, и это ускорило ухудшение их взаимоотношений с большевиками по стране. Однако в Петрограде в то же время большевистско-левоэсеровское партнерство процветало. История просвещенного комиссарства Николая Корнилова, комиссара земледелия в СК СО, при всей ее краткости, дает любопытное представление об огромной потенциальной ценности сотрудничества с левыми эсерами в области развития революции в деревне. Другим важным показателем более долговременного потенциала этого сотрудничества были серьезные и упорные шаги, предпринимаемые Прошем Прошьянном — вторым, после Зиновьева, лицом в петроградском правительстве — по превращению комиссариата внутренних дел в структуру областного масштаба, при его одновременной гармоничной работе с большевиками в СК СО.

Очень часто усилия петроградских левых эсеров оказывались направлены на то, чтобы помочь большевикам справиться с бесконечными политическими и экономическими трудностями, и, что более важно, на то, чтобы не усугублять и без того нестабильную обстановку в Северной коммуне. Так, они не стали выпячивать свои разногласия с большевиками по поводу непрерывных уступок немцам, юридического восстановления смертной казни, нашедшего воплощение в расстреле «героя Балтийского флота» Алексея Щастного, и политики насилиственной хлебной разверстки. Они также закрыли глаза на манипуляции с «победой» большевиков на июньских выборах в Петроградский Совет и приняли участие в репрессиях против Собрания уполномоченных. Напрашивается неизбежный вывод: с мо-

мента создания Северной коммуны в мае 1918 г. и до момента превращения левых эсеров в преступников в июле сотрудничество большевиков и левых эсеров на всех уровнях управления Петроградом было одним из главных условий выживания Советской власти в северо-западном регионе.

Принципиально важный альянс большевиков и левых эсеров в Петрограде был разрушен событиями, произошедшими в Москве. Уверенные в своей силе, национальные лидеры левых эсеров собирались воспользоваться Пятым Всероссийским съездом Советов, чтобы добиться изменения тех пунктов советской политики, против которых они выступали. Лишь после того, как большевики при помощи избирательного мошенничества получили подавляющее большинство на съезде, левые эсеры прибегли к своему опрометчивому и непродуманному запасному плану — убийству германского посла в Москве графа Мирбаха. Они надеялись, что, уничтожив посла, они спровоцируют Германиювязать военные действия против России, и это приведет к срыву Брестского мирного договора. Однако начало второй битвы на Марне, заставившей германские войска на Западном фронте перейти к обороне, и быстрые действия Ленина разрушили эту надежду. Ленин организовал жестокое подавление «мятежа» левых эсеров в столице. Советские власти в Петрограде, прекрасно знавшие, что убийство Мирбаха было полным сюрпризом для петроградских левых эсеров, тем не менее, продемонстрировав редкое для себя подчинение контрпродуктивным инструкциям из Москвы, вынудили уйти в подполье руководство левых эсеров, нанесли успешный удар по левоэсеровским военным силам, на помощь которых им прежде приходилось полагаться, и организовали отстранение левых эсеров со всех руководящих постов в Петрограде сверху донизу. С этого момента петроградские левые эсеры, как и их однопартийцы в Москве, были, по сути, переведены в ранг врагов.

Оглядываясь на историю партнерства большевиков и левых эсеров во всероссийском масштабе, справедливо заключить, что его разрыв не просто знаменовал собой момент превращения советской политической системы в однопартийную, но имел разветвленные исторические последствия. Левые эсеры были тем звеном, которое обеспечивало Советской власти чрезвычайно важную для нее связь с деревней. Сохранись альянс большевиков и левых эсеров, и граж-

данская война в России, возможно, была бы куда менее жестокой. Конечно, раз левые эсеры стали представлять угрозу власти большевиков, как случилось в июне — начале июля 1918 г., решительный разрыв с ними, наверное, был неизбежен. Однако верно и то, что в Петрограде большевистско-левоэсеровский альянс на всех уровнях городского и областного управления довольно успешно работал и еще не исчерпал свой потенциал, когда был расколот событиями в Москве.

Что касается структурной эволюции советской системы, то политические и экономические кризисы конца весны — начала лета 1918 г. в Петрограде продемонстрировали как по-прежнему главенствующую роль Советов в руководстве регионом, так и меняющуюся роль партийных организаций. Конкретно это означало, что если усилия Северного областного или Петербургского комитета большевиков установить системный контроль за деятельностью СК СО или Петроградского Совета, соответственно, были пока еще мало различимы, то рвение, с которым ПК взялся организовать партийную фракцию в Петроградском Совете после июньских перевыборов, уже говорило о характере будущих отношений между партией и Советами. В то же время, отношения между Петроградским Советом и районными Советами, как показали события этого периода, пока оставались неустойчивыми. Время от времени Петросовет и его исполком пытались руководить районными Советами. Однако в большинстве случаев последним удавалось успешно отстаивать свою самостоятельность и сохранять возможность принимать или не принимать руководящие директивы, а также создавать институты и проводить политику по своему собственному усмотрению. Лишь осенью 1918 г., в ходе подготовки к празднованию первой годовщины Октябрьской революции, ситуация начала меняться.

Несмотря на негативные последствия разрыва петроградских большевиков с левыми эсерами, ленинские призывы к членам партии и беспартийным рабочим Петрограда активно вступать в продотряды не только не прекратились, но даже усилились. В то же время служба в Красной армии, ставшая, в связи с расширением гражданской войны и началом иностранной интервенции, обязательной для рабочих и всех ранее служивших большевиков, способствовала дальнейшему ослаблению петроградской партийной орга-

низации. И это при том, что одновременно ЦК большевиков требовал введения системы контроля за работой Советов и других правительственные органов путем создания в них партийных фракций и партийных организаций. Хотя в сложившихся условиях создание такой системы было делом совершенно нереальным, ПК большевиков, например, начал рассматривать на своих заседаниях вопросы государственной политики и делать попытки вмешиваться в работу советских органов — там, где он чувствовал свою компетенцию. Ко всему, под давлением этих обстоятельств, в обстановке страха, что подошедшие вплотную к городу германские войска все-таки оккупируют Петроград, и растущей контрреволюционной активности, у петроградских большевиков выработалось осадное мировоззрение.

Его формированию способствовало и дальнейшее падение численности партийной организации: с 13 472 чел. в июне до ничтожных 6 тыс. чел. в сентябре. Качественное измерение этого упадка продемонстрировало статистическое исследование Струмилина, посвященное петроградской партийной организации. Согласно его подсчетам, более 50% членов партии были постоянно заняты на внепартийной работе, почти такой же процент составляли новички, вступившие в партию в 1918 г., и, сверх всего, лишь мизерная часть большевиков, занятых на партийной работе, имели достаточную квалификацию (в смысле опыта и образования), чтобы занимать ответственные посты. Это объясняет, почему отныне повышенное внимание уделялось партийным школам, а также курсам ускоренного обучения пользованию оружием всех большевиков, кому это требовалось. Осадное мировоззрение петроградских большевиков в наиболее значительной степени проявилось в растущей склонности ПК к немедленному введению массового «красного террора» против предполагаемых врагов Советской власти как необходимой меры безопасности.

Вопреки расхожему мнению, «красный террор», разразившийся в Петрограде 30 августа, не был ни следствием общенационального наступления на контрреволюцию, инспирированного Лениным и организованного ВЧК, ни стихийным ответом масс на произошедшие в тот день убийство Урицкого и попытку покушения на Ленина. Существующие свидетельства показывают, что эти события лучше всего могут быть поняты, если их рассматривать как кульминацию постепенного процесса, в ходе которого сдерживающее влияние

таких ключевых фигур, как Урицкий, Крестинский и Прошьян, уступило место давлению в пользу «красного террора», в том числе «снизу».

Процесс, завершившийся этим результатом, начался по существу во второй половине июня, после убийства Володарского. Месяцем позже большевистский ПК, заслушав на своем заседании тревожный доклад об оживлении контрреволюции, принял решение о необходимости немедленного объявления массового террора против классовых врагов. В тот раз петроградское советское руководство и военные лидеры устояли перед давлением ПК. Однако впоследствии признаки того, что умеренная позиция Урицкого все больше уступала напору сторонников террора как средства обеспечения безопасности тыла, с каждой неделей нарастали.

Началом «красного террора» в Петрограде можно считать совещание высших советских и партийных деятелей, созванное большевистским ПК 30 августа, спустя несколько часов после убийства Урицкого, но задолго до покушения на Ленина. Отталкиваясь от необоснованных предположений о том, что убийство — часть согласованного внутреннего и международного заговора, направленного на свержение Советской власти на северо-западе России, большевистское руководство мотивировало террор, главным образом, необходимостью обезопасить тыл, с тем чтобы как можно больше сил можно было направить в продотряды и в Красную армию. Официальное провозглашение «красного террора» национальным правительством в Москве, как и СК СО и Петроградским Советом, произошло лишь тогда, когда первая волна арестов и расправ в Петрограде спала.

Тот факт, что «красный террор» в Петрограде был инициирован большевистским Петербургским комитетом, отразил растущее стремление партийных органов вмешиваться в процесс принятия политических решений. Впоследствии усилинию враждебности масс по отношению к внутренним и внешним врагам способствовала согласованная пропагандистская кампания, осуществлявшаяся в прессе и на массовых собраниях и митингах. Центральным пунктом этой кампании было «дело Локхарта», призванное продемонстрировать тесные связи между внутренним и внешним заговорами, целью которых было сокрушить большевизм. Впрочем, после первоначальных заявлений о том, что налет на британское посольство в Петрограде, во

время которого был убит Кроуми, был вызван тем, что там зрел контрреволюционный заговор, и обещаний опубликовать, в подтверждение этого обвинения, огромное количество захваченной в ходе налета корреспонденции, тема эта дальнейшего развития не получила. Почти полное отсутствие разговоров вокруг Кроуми и его коллег на фоне бурной кампании против тайных агентов Антанты, осуществляющейся в ходе «красного террора» в Петрограде, возможно, объяснялось малой ценностью захваченного в ходе рейда. Кроме того, хотя британские архивные источники содержат надежные документальные свидетельства обширной деятельности Кроуми по подготовке свержения власти большевиков в Петрограде и однозначно говорят о том, что в его окружение были внедрены советские агенты, привлечение внимания к персоне Кроуми после его смерти только еще больше дискредитировало бы Советское правительство на международной арене.

Как бы то ни было, раскрутившись, «красный террор» в Петрограде обрел свою собственную инерцию и принял затягивать известных людей, не имевших политического веса, ценных профессионалов, профсоюзных деятелей и союзников большевиков. Точные подсчеты жертв расстрелов, произведенные ВЧК и хранящиеся в бывшем архиве КГБ, содержат только часть всей правды, поскольку не включают данных о заложниках ЧК и многочисленных расстрелях, произведенных районными органами безопасности и отрядами рабочих добровольцев. Тем не менее, своей цели — пресечь заговоры против власти большевиков — «красный террор» так и не достиг, что и продемонстрировал неудавшийся мятеж Второго экипажа Балтфлота в середине октября.

Начало подготовки к празднованию первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде совпало не только с «красным террором», но и с обнадеживающими вестями с фронтов гражданской войны на востоке центральной России и усилением революционных событий в Центральной Европе. Последнее для петроградских большевиков на всех уровнях, по-видимому, было явным признаком долгожданной мировой социалистической революции, которая неизбежно принесет исстрадавшейся России такую нужную ей помощь, после чего большевизированные рабочие Петрограда и других индустриальных центров страны, рука об руку со своими зарубежными

братьями, пойдут единым и неудержимым маршем укреплять социалистическую революцию в международном масштабе. Великолепный юбилей, не имеющий аналогов в истории ни по содержанию, ни по количеству участников, должен был дать мощный стимул революциям за рубежом и заставить «империалистические державы», включая их тайных агентов в России, перейти к обороне.

Тесно связанным с этим видением было восприятие петроградскими большевиками самих себя, или, вернее, «красного Петера», как общепризнанной столицы и авангарда мировой пролетарской революции. Практически все планы празднования юбилея были нацелены на то, чтобы продемонстрировать и преумножить былую и будущую славу Петрограда под властью большевиков. Неудивительно, что решение Москвы о созыве накануне праздника Шестого Всероссийского съезда Советов, продиктованное стремлением закрепить за новой столицей гордое звание штаба революции, явилось жестоким ударом для петроградских большевиков. В тяжелой политической обстановке, переживая беспрецедентные экономические трудности, они не жалели ничего, чтобы отразить его.

В ночь с 9 на 10 ноября, когда зрелищное празднество, знаменующее первую годовщину Октября, завершилось, в Петроград пришла весть о том, что кайзер Вильгельм отрекся от престола и что к власти в Берлине пришло Советское правительство российского образца. Ильин-Женевский, работавший в ту пору в комиссариате по военным делам, был в театре на праздничном представлении, когда узнал радостную новость:

Все было, как всегда... Перед началом одного из действий на сцену вышел какой-то человек в куртке и высоких сапогах и сказал: «Товарищи! Сейчас пришли сообщения из Германии. В Германии революция. Вильгельм свергнут. В Берлине образовался Совет рабочих депутатов, который прислал нам приветственную телеграмму». Трудно передать то, что произошло в театре. Какой-то рев был ответом на слова говорившего. Бешеные аплодисменты несколько минут протрясали театр... Вот она — поддержка западноевропейского пролетариата... Казалось, что все теперь пойдет по-иному. Интерес к спектаклю был как-то сразу потерян. На сцене еще что-то говорили... но мысли уже были далеко, там, в Берлине, где на улицах красные флаги, где заседает

Совет рабочих депутатов, где завязался новый узел мировой пролетарской революции (1).

Моряки Балтийского флота немедленно отправили радиограмму с братскими приветствиями своим коллегам в «свободной Германии»: «Мы знали, что вы, матросы Киля — братья нам и будете с нами... Приветствуем вас в эти великие дни... Товарищи, возьмите наш опыт — мы рады вам помочь... Да здравствует международный Красный Флот!» (2).

Большевики Экспедиции по заготовлению государственных бумаг поспешно организовали для членов партии на своем предприятии курсы изучения немецкого языка, с явной целью облегчить близкое взаимодействие с германскими революционными массами (3). Даже в телеграмме Ленина о «триумфе революции в Германии», предназначеннной для немедленного распространения в Петрограде, звучали неожиданно эйфорические ноты (4). Члены исполкома Выборгского районного Совета сочли изменение положения Петрограда, вызванное последними событиями в Германии, настолько значительным, что решили немедленно направить ходатайство в Совнарком о возвращении правительства в «красный Питер», поскольку «политическое положение резко изменилось и развертывающиеся события говорят за то, что Петербург как центр должен воскреснуть и играть в ходе европейской революции доминирующую роль» (5).

Мотивы, лежавшие в основе обращения Выборгского исполкома о возвращении столицы в Петроград, так быстро улетучились, что оно едва ли даже было рассмотрено. В отличие от ситуации в России накануне революций 1917 г., в Германии осенью 1918 г. событиями двигало не столько фундаментальное отрицание существующего социально-политического порядка, сколько решающие военные поражения и экономические трудности. Именно они диктовали необходимость демократизации власти в Германии, создания коалиционного правительства из левых либералов и умеренных социалистов и его обращения с просьбой о перемирии, которому суждено было положить конец мировой войне еще до формального отречения кайзера Вильгельма 9 ноября. В течение первых полутора недель ноября в Киле, а позже в Мюнхене, Берлине и других крупных германских городах были сформированы, по российскому образцу,

Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако большинство радикальной Независимой социал-демократической партии Германии согласилось войти в состав нового национального правительства, находившегося под контролем умеренной Социал-демократической партии.

На короткое время в Германии установилось своего рода двоевластие, при котором Советы рабочих и солдатских депутатов действовали параллельно с новым временным правительством. Однако громадное большинство Советов контролировали умеренные. Будучи приверженцами парламентской демократии западного типа, они сумели консолидировать свою власть и восстановить относительный порядок. По иронии, создание Советов революционными германскими рабочими, солдатами и матросами, требовавшими мира и хлеба, было сознательным копированием русского революционного опыта. Точно так же, неприятие большевистского экстремизма было важным фактором, определившим умеренный исход германской революции 1918 г. После радостного празднования первой годовщины Октябрьской революции, после не случившегося объединения с германскими революционными братьями петроградские большевики оказались вновь предоставлены сами себе. Их одинокая и трудная борьба за выживание, едва прервавшись, возобновилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ильин-Женевский. Большевики у власти С 154

2 РГА ВМФ. Ф. р-96 Оп 1. Д 57 Л.286.

3 ЦГАИПД Ф 1949 Оп 1 Д 7 Л 36

4. Декреты Советской власти Т 4 — М , 1968 С 9–10

5 ЦГА СПб Ф 148 Оп 1. Д 51 Л.238об–239